СОВРЕМЕННИКЪ

А ОДИННАДЦАТАЯ

1911 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПОРТРЕТЪ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА. 1

I. ЗАКАТЪ СТАРАГО ВѢКА. Романъ.—Продолженіе VIII.—

II. НОВОБРАНЕЦЪ ИЛЬЮШКА Разсказъ.—**Д. Айзмана**. . 65

III. ПОГЛОТИТЕЛИ. Романъ.—Окончаніе.—**Анни Виванти.** (Пер. съ итальянскаго Кавези). 88

IV. ВЪ ПОЛЯХЪ. Разсказъ.—**Г. Гребеньщикова**. 109

V. АГИТАТОРЪ. Повѣсть. — Продолженіе. — **Клементины Блэкъ**. 135

VI. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ПАТРІОТИЗМА. II. Л. Толстой и Александрово воинство.—**Александра Амфитеатрова**. 173

VII. НЕУРОЖАЙ И ЕГО СПУТНИКИ.—**Суханова**. 205

VIII. ТОЛСТОЙ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБѢ.—**Евг. Колосова.** 22

IX. [illegible]ВЛА И ДНИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.—**Е. Аничкова и В. Княжнина**. 241

X. СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКІЕ ВЗГЛЯДЫ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.—**Ю. Стеклова**. 287

XI. ВЕЛИКАЯ КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.—**Мих. Павловича.** 315

XII. ТРИ ВСТРѢЧИ.—**А. Хирьякова**. 346

XIII. ЗАМѢТКИ ПРОВИНЦІАЛА.—О мечтательности мужицкой, интеллигентской и бюрократической. Гость изъ провинціи. Новый курсъ. Раздвоеніе личности. Трезвое слово октябристовъ. Происхожденіе видовъ: человѣкъ и обезьяна. Любовь губернатора. Голодъ и «ставка на хуторокъ Рокка». Все по-старому. **Евг. Чирикова**. 368

XIV. НОВЫЯ КНИГИ.

XV. КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ «СОВРЕМЕННИКА». 393

XVI. СВЕРЧОКЪ. 394

XVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 398

Великая китайская революція.

Какихъ-нибудь полтора года тому назадъ извѣстный французскій писатель Жанъ Родъ, по порученію Географическаго Общества, а затѣмъ въ качествѣ корреспондента «Le Temps», изъѣздившій вдоль и поперекъ приморскія и центральныя области Китая, увѣрялъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, будто, за исключеніемъ ничтожной кучки «младо-китайцевъ», остальная масса 400 милл. населенія Срединной имперіи совершенно не интересуется политическими вопросами и проявляетъ въ этомъ отношеніи полнѣйшую индифферентность. Для иллюстраціи своей мысли Жанъ Родъ повторилъ старый, избитый анекдотъ, который онъ заимствовалъ у священника Гука и который относится къ 1851 г., къ моменту смерти богдыхана, Тао-Куанга По словамъ Гука, когда пришли извѣстія о кончинѣ императора, онъ находился въ одной гостиницѣ и пилъ чай въ компаніи съ нѣсколькими купцами. Гукъ заговорилъ о полученномъ извѣстіи и сталъ строить различныя гипотезы по поводу вступленія на тронъ новаго императора, китайскіе купцы лишь покачивали головой и продолжали безмолвно пить чай. Наконецъ, одинъ изъ китайцевъ поднялся и, дружески положивъ руку священнику на плечо, сказалъ: «Зачѣмъ ты попусту волнуешь свое сердце и утомляешь свой умъ? Послушай меня, вѣдь, это обязанность мандариновъ заниматься государственными дѣлами; они за это получаютъ жалованье. Пусть же они зарабатываютъ свои деньги. Съ какой стати намъ безпокоиться по поводу того, что насъ не касается? Мы были бы безумцами, если бы занимались политикой, не получая за это никакого жалованья». «Вотъ это поистинѣ мудрыя слова», замѣтили остальные слушатели. По увѣренію корреспондента «Le Temps» современная китайская буржуазія, и тѣмъ болѣе вся остальная масса населенія, недалеко ушла по своему политическому развитію отъ купечества 1851 г., и совершенно не интересуется государственными дѣлами.

Читая подобныя статьи и капитальныя работы о Китаѣ, Col-

quuhonn'a, Смита, Вильямса и т. д., невольно вспоминаешь, что за девять мѣсяцевъ до 14 іюля 1789 г. Артуръ Юнгъ писалъ: «Франція находится наканунѣ великой революціи... Врядъ ли правительство просуществуетъ болѣе пятидесяти лѣтъ, развѣ только у власти станутъ необыкновенно талантливые люди. Прогнозъ революціонныхъ событій, тѣмъ болѣе, въ азіатской странѣ, дѣло совершенно невозможное для представителя современной буржуазной европейской прессы, которая относится съ крайнимъ недовѣріемъ и страхомъ къ пробужденію Востока, справедливо опасаясь, что новая Азія не пожелаетъ быть рабомъ старой Европы. Несомнѣнно, если въ Китаѣ утвердится конституціонное правительство, послѣднему, прежде всего, придется бороться съ недоброжелательствомъ конституціонныхъ европейскихъ правительствъ, которыя, не исключая французскаго, отнеслись съ такой непріязнью даже къ маленькой португальской республикѣ и тѣмъ болѣе не примирятся съ мыслью о республиканскомъ режимѣ въ 400 милл. Китаѣ. Можно заранѣе предсказать, что тѣ самые консервативные и либеральные органы европейской печати, которые защищали или замалчивали всѣ преступленія Абдулъ-Гамида и стараго китайскаго правительства, будутъ писать о несостоятельности китайскаго конституціоннаго режима, будутъ доказывать, что китайская конституція представляетъ собой одинъ «bluff» и, чѣмъ энергичнѣе новый Китай будетъ защищаться противъ натиска хищническихъ международныхъ финансовыхъ компаній, тѣмъ болѣе ожесточеннымъ нападкамъ и критикѣ будутъ подвергаться китайская конституція на столбцахъ многихъ органовъ европейской прессы.

Уже болѣе 15 лѣтъ, со времени китайско-японской войны 1894—95 г. Срединная имперія находится въ состояніи непрестаннаго политическаго броженія. Особенно сильный толчекъ китайскому освободительному движенію дала, подобно тому, какъ это произошло также въ Персіи и Турціи, русско-японская война и русская революція. То обстоятельство, что маленькій японскій народъ могъ побѣдить гигантскую Россію, этого страшнаго дотолѣ врага всѣхъ азіатскихъ народовъ, произвелъ необычайное впечатлѣніе на все населеніе Китая. Маленькіе японцы побѣждаютъ самую сильную державу Европы. Какимъ образомъ они достигаютъ этого? Они брали уроки у самой Европы и заимствовали европейскія учрежденія. Стало быть, спасеніе въ конституціи и парламентѣ. Еще большее впечатлѣніе произвела на населеніе Китая русская революція. Она совершенно не оправдала тѣхъ надеждъ, которыя связывали съ ней европейскіе соціалисты, зато въ жизни азіатскихъ народовъ она сыграла такую же грандіозную роль, какую нѣкогда въ жизни европейскихъ народовъ сыграла великая французская революція.

Все конституціонное и революціонное движеніе въ Китаѣ, подобно турецкому и персидскому, тѣсно связано съ національнымъ движеніемъ, съ стремленіемъ спасти страну отъ насилія и хищничества европейскихъ правительствъ и стоящихъ за ихъ спиной международныхъ капиталистовъ, и съ глубокой непримиримой ненавистью къ манчжурской династіи, продающей страну съ молотка европейцамъ и стремящейся съ невѣроятными репрессіями помѣшать возрожденію Срединной имперіи и ея спасенію отъ иностраннаго гнета. Трудно представить себѣ, съ какою заносчивостью, съ какимъ высокомѣріемъ представители европейскихъ правительствъ и европейскаго капитала держатъ себя въ самомъ Китаѣ по отношенію къ населенію страны. Какъ извѣстно, въ результатѣ 40 договоровъ, заключенныхъ съ 1843 г. между правительствомъ богдыхана и европейскими державами, иностранцы имѣютъ право селиться и вести торговлю въ опредѣленныхъ пунктахъ китайской имперіи, причемъ въ очень многихъ европейцы владѣютъ, такъ называемыми, «территоріальными концессіями», т.-е. болѣе или менѣе обширными участками, гдѣ вся административная и т. д. власть находится въ рукахъ европейцевъ. Эти «территоріальныя концессіи» имѣются въ Шанхаѣ, Ханкоу, Тянцзинѣ, Кантонѣ, Ньючуангѣ и т. д. И вотъ въ районѣ этихъ концессій китайцы могутъ воочію видѣть, къ какимъ послѣдствіямъ для нихъ повело бы распаденіе Срединной имперіи и захватъ ея «бѣлыми дьяволами». Въ Ханкоу китайцамъ запрещено прогуливаться по одной аллеѣ, излюбленному мѣсту гулянія ханкоусскихъ европейцевъ и ихъ дамъ. Въ Шанхаѣ строго запрещенъ входъ китайцамъ въ городской садъ. Повсюду въ европейскихъ концессіяхъ наталкиваешься на вывѣски: «Собакамъ и китайцамъ входъ не дозволенъ». Можно себѣ представить, какъ всѣ эти факты, о которыхъ такъ часто упоминаетъ китайская пресса, дѣйствуетъ на настроеніе населенія. Прибавимъ къ этому наши интриги въ Монголіи, неприкрытыя посягательства японскихъ и русскихъ имперіалистовъ окончательно захватить Манчжурію, агрессивныя дѣйствія французовъ на границахъ Индо-Китая, въ Юнанѣ, англичанъ въ Бирманіи, нѣмцевъ въ ихъ «сферѣ вліянія», и т. д., и мы поймемъ, почему костеръ освободительнаго движенія ни на минуту не потухаетъ въ Китаѣ. Каждый день въ странѣ возникали новыя общества для защиты страны противъ внѣшняго засилья: «Общество единаго и нераздѣльнаго Китая», «Общество развитія національной промышленности и торговли», «Общество развитія національнаго желѣзнодорожнаго строительства въ Китаѣ», Общество защиты верховныхъ правъ Китая въ Манчжуріи и въ Европейскихъ концессіяхъ и т. д.».

Нижеслѣдующую пѣснь, которая часто поется въ Срединной имперіи, какъ нельзя лучше рисуетъ отчаяніе, которое овладѣваетъ ду-

шей китайскаго патріота при видѣ того кладбища, въ которое превращена несчастная страна по волѣ манчжурской династіи и европейскихъ угнетателей. Пѣснь эта носитъ характерное названіе: «Стоны мертваго царства»:

I.

Вѣтеръ дуетъ съ запада, увы, какое горе!
У, у, у! Срединная имперія не болѣе, какъ царство мертвыхъ.
Темная ночь, вдругъ врываются татары на своихъ лошадяхъ.
Увы, они такъ многочисленны,
Что вся страна кажется покрытой ими, какъ пылью.
Солнце едва поднялось, а насъ уже заставили перемѣнить джае наши платья.
Насталъ вечеръ, и насъ хотятъ превратить въ послушныхъ солдатъ на службѣ у манчжуровъ.
О, горе, комета, появившаяся на сѣверномъ небосклонѣ,
Предвѣщаетъ паденіе небесной колонны.
Все покрыто мракомъ. Нѣтъ, кому сказать слово.
Съ горныхъ вершинъ разносятся жалобные стоны и плачъ.
Со всѣхъ сторонъ видишь только побѣлѣвшія кости въ страшномъ безпорядкѣ.
Увы, какое горе! Да, мы не болѣе, какъ царство мертвыхъ!
Вѣтеръ дуетъ съ запада. Увы, какое горе!
Кто поднялся, чтобы взять оружіе въ руки? Увы, бѣлыя знамена
Говорятъ о подчиненіи, порабощеніи страны.
Темная ночь: изъ Европы врываются солдаты.
Приникни ухомъ, слышишь, какъ въ императорскомъ дворцѣ
Раздаются шаги того, кто съ распростертыми объятіями
Принимаетъ иностранцевъ и соединяется съ ними.
Болѣе того, европейскія концессіи пробиваютъ себѣ двери повсюду.
Увы, вотъ кто насыщается нашей кровью и срываетъ перья съ нашего тѣла!
Ихъ вожди проводятъ время, наслаждаясь музыкой и пьянствомъ.
Увы, кто пойметъ наше горе, кто услышитъ наши крики отчаянія?
У, у, у! Какая печаль! Да, мы только царство мертвыхъ.

Этой пѣснѣ патріотическаго отчаянія какъ бы отвѣчаетъ другая пѣснь, которая указываетъ на путь спасенія страны и призываетъ къ борьбѣ за новую жизнь. Она приведена въ сборникѣ пѣсенъ Кантона и называется «Гимнъ свободѣ». Популярная пѣснь является теперь Марсельезой побѣдоносныхъ революціонныхъ войскъ, но пѣснь новаго Китая болѣе человѣчна, чѣмъ французская Марсельеза.

I.

«О, Свобода, величайшій даръ небесъ,
Въ союзѣ съ миромъ ты создашь на этой землѣ
Десять тысячъ новыхъ чудесъ,

Серьезная, какъ разумъ, громадная, какъ гигантъ, который своей
головой касается неба,
Сидя на колесницѣ изъ облаковъ, влекомыхъ, вмѣсто коней,
быстрымъ вѣтромъ.
Приди, приди немедленно править нашей землей!
Изъ жалости къ черному аду нашего рабства,
Приди освѣтить насъ лучемъ солнца.
О, бѣлая Европа, ты, дѣйствительно, избалованная дочь неба!
Хлѣба, вина, ты всего имѣешь вдоволь...
Я люблю свободу, какъ мою дорогую супругу,
Какъ день моихъ мыслей, какъ вечеръ моихъ ночей.
Я вижу всѣ несчастья моей родины,
Но непостоянная Свобода не дается мнѣ въ руки.
Увы, мои братья рабы!
Вѣтеръ такъ пріятенъ, роса такъ блеститъ,
Цвѣты такъ пахнутъ;
Всѣ люди становятся королями.
Однако, не забудемъ, что народъ страдаетъ.
Въ Пекинѣ нужно склонять свою голову
Передъ волкомъ, нашимъ императоромъ.
Увы, свобода мертва!
Великая Азія представляетъ собой неизмѣримую пустыню.
Въ двадцатомъ вѣкѣ всѣ должны стремиться открыть новую эру.
Пусть всѣ мужественные люди единодушно требуютъ реформы
неба и земли.
Пусть голосъ народа разнесется до вершинъ Куангъ-Лу!
Наполеонъ, Вашингтонъ, вы сыны свободы,
Придите воплотиться въ насъ!
Гинъ-Юнъ, нашъ предокъ, веди насъ!
Геній свободы, спѣши взять насъ подъ свое покровительство».

**
*

Быстрый ростъ республиканскихъ идей среди милліоновъ китайцевъ объясняется вліяніемъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ обучались сотни китайскихъ студентовъ, откуда ежегодно возвращались на родину тысячи желтыхъ рабочихъ, разсказывавшихъ своимъ соотечественникамъ о необычайномъ могуществѣ и богатствѣ заатлантической республики. Далѣе—ненавистью къ манчжурамъ, невозможностью въ то же время, даже при желаніи, найти среди китайской аристократіи какой-нибудь родъ, который занималъ бы по своему происхожденію, вліянію и т. д. особое положеніе въ населеніи и пользовался особымъ престижемъ. Династія Мингъ давно исчезла, не сохранивъ никакихъ отпрысковъ, и, хотя нѣкоторые полутемные китайцы до сихъ поръ вѣрятъ, что династія манчжуровъ будетъ замѣнена истинно національной династіей Минговъ, однако, многіе, даже наиболѣе консервативные, китайцы, примкнувшіе къ революціонному движенію,

какъ, напримѣръ, богатые купцы, мандарины, и т. д., полагаютъ, что республиканскій режимъ представляетъ собой, при данныхъ условіяхъ, самую естественную форму правленія для Срединной имперіи. Нужны были бы какія-нибудь исключительныя условія, побѣдоносная война, которая выдвинула бы какого-нибудь генерала, китайскаго Бонапарта, чтобы создать китайскаго претендента на тронъ богдыхана. Пока же, въ случаѣ сверженія манчжурской династіи, такъ же трудно представить себѣ китайскую монархію, какъ трудно было бы представить себѣ еврейскую монархію въ случаѣ образованія сіонистскаго государства въ Палестинѣ.

Уже 15 лѣтъ тому назадъ Сун-ят-Сенъ въ бесѣдѣ съ французскимъ соціалистомъ Самба увѣрялъ, что значительная часть китайскаго населенія подготовлена къ республикѣ, и оказался пророкомъ, предсказавъ, что въ Китаѣ республика будетъ введена задолго до того, какъ во Франціи наступитъ соціалистическій строй. Въ ту пору такое предсказаніе казалось Самба химерой. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ даже населеніе областей, наиболѣе вѣрныхъ династіи и Императору—тянь-тзы—«Сыну неба» стало колебаться въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ и заражаться ядомъ республиканскихъ идей. Паденію престижа династіи много способствовала ея скандальная хроника послѣднихъ лѣтъ. Императрица Цы-си, китайская Мессалина, окружившая себя мужскимъ гаремомъ мнимыхъ евнуховъ, красавецъ къ красавцу, приглашавшая на свои оргіи пекинскихъ студентовъ, которые, попавъ во дворецъ, затѣмъ куда-то исчезали безслѣдно, постигаемые странными, скоропостижными смертями,—давала своимъ разнузданнымъ поведеніемъ обильную пищу для чудовищныхъ разсказовъ, которые циркулировали въ столицѣ среди оппозиціонной части населенія. Въ послѣдніе годы своего царствованія, съ 1906 по 1908 г., императрица,—эта сильная физически женщина, которой еще недавно, когда ей было 74 года, забавлялась при пріемѣ европейскихъ дамъ изъ посольства тѣмъ, что старалась утомить ихъ, бѣгая по саду и перепрыгивая черезъ кусты,—заболѣла параличемъ лица и стала обнаруживать признаки полнаго умственнаго разстройства. Тогда началась эпоха небывалыхъ интригъ, войны между представителями камарильи въ императорскомъ дворцѣ. Сегодня императрица, выслушавъ одного мандарина, подписывала какой-нибудь указъ, на завтра кто-нибудь другой, путемъ подкупа евнуховъ, удостоивался высочайшей аудіенціи, и императрица, ознакомившись съ новымъ докладомъ, восклицала: «Такъ вотъ, какъ ведутся дѣла имперіи! Прямо можно придти въ отчаяніе. Если бы мы не узнали этого, государство погибло бы». А послѣзавтра начиналось что-нибудь новое. Императрица соглашалась со всякимъ, кто говорилъ съ ней послѣдній, и поддакивала ка-

ждому новому докладчику. Полусумасшедшая старуха,—вчера только крѣпкая и сильная, какъ дубъ, съ орлинымъ взглядомъ и царственной осанкой, сидѣла теперь на тронѣ, какъ развалина, съ отвисшей губой, выдвинувъ впередъ руки съ необычайно длинными ногтями, украшенными золотыми наперстками, вся разодѣтая въ роскошныя платья, покрытая брилліантами, и высшіе представители имперіи обращались къ ней, стоя, согласно ритуалу, на колѣняхъ... То былъ живой символъ умирающей династіи, прошлаго, которое вмѣстѣ съ ней невозвратно уходило въ могилу. Несчастный племянникъ этой развратной и жестокой старухи, «императоръ-фантомъ» Гуанъ-Сюй, который когда-то увлекался мечтами о возрожденіи Китая, но, со времени переворота 21 сент. 1898 г., награжденный отъ тетки нѣсколькими пощечинами, былъ заточенъ въ уединенный домикъ, выстроенный на небольшомъ островкѣ, лежащемъ посреди дворцоваго озера, своимъ видомъ, всей своей жизнью и образомъ дѣйствій, также символизировалъ разложеніе сильной когда-то духомъ и тѣломъ династіи. Этотъ потомокъ воинственныхъ татаръ, который въ 38-лѣтнемъ возрастѣ казался недоразвившимся 16-лѣтнимъ мальчикомъ, былъ, при своихъ хорошихъ душевныхъ качествахъ, необычайной добротѣ и мягкости, полнымъ дегенератомъ. Какъ описываетъ д-ръ Детевъ въ своемъ секретномъ докладѣ, проникшемъ въ печать, малѣйшій шумъ пугалъ императора, зато, наоборотъ, каждый ударъ гонга вызывалъ въ немъ сладостныя ощущенія. Отрѣзанный отъ внѣшняго міра, окруженный въ своемъ дворцѣ всѣми приманками чувственности въ дьявольскомъ расчетѣ на то, что подобная жизнь окончательно его ослабитъ, Гуанъ-Сюй, въ концѣ-концовъ, превратился въ живой трупъ. При торжественныхъ пріемахъ во дворцѣ, онъ сидѣлъ рядомъ съ императрицей, причемъ послѣдняя и ея приближенные, на глазахъ у всѣхъ, третировали императора свысока, проходившіе слуги безцеремонно толкали его. Въ концѣ-концовъ, императоръ, который вначалѣ привлекъ къ себѣ симпатію населенія, сдѣлался предметомъ посмѣшища, и образованные китайцы, говоря о немъ, не находили словъ, чтобы выразить свое презрѣніе этому «императору-фантому», «трусливой бабѣ», и т. д., что, впрочемъ, не мѣшало ему оставаться въ глазахъ болѣе умѣренныхъ элементовъ «святымъ императоромъ». Хаосъ, который воцарился въ бюрократіи въ результатѣ полнаго ослабленія умственныхъ способностей императрицы, въ концѣ-концовъ, сталъ тягостенъ даже и для придворныхъ кругобъ. 14 ноября 1908 г. скончался императоръ-фантомъ, а на другой день не стало вдовствующей императрицы. Когда нѣкоторые дипломаты, пораженные этимъ страннымъ совпаденіемъ, обращались за разъясненіями къ придворнымъ, одни отмалчивались, другіе отвѣчали: «такъ было нужно, чтобы она умерла».

При поверхностномъ взглядѣ событія, происходящія теперь въ Срединной имперіи, кажутся прежде всего расовой войной, борьбой между завоевателями манчжурами и порабощенными ими китайцами. Съ этой точки зрѣнія, при извѣстной натяжкѣ, можно уподобить сраженія революціонныхъ китайскихъ войскъ съ арміями, находящимися подъ начальствомъ татарскихъ маршаловъ, войнѣ древней Руси съ полчищемъ Мамая. Современный Китай даетъ нынѣ своего рода Куликовскую битву татарскимъ ордамъ и свергаетъ монгольское иго, какъ это сдѣлала Россія въ XIV вѣкѣ. Нельзя оспаривать, что главный теоретикъ китайскаго революціоннаго движенія докторъ Сун-ят-Сэнъ своими многочисленными рѣчами въ Японіи, С. Штатахъ, своими брошюрами и статьями немало содѣйствовалъ укорененію взгляда, рѣзко противоставляющаго манчжуръ и китайцевъ, какъ два враждебныхъ лагеря въ одномъ и томъ же государствѣ, какъ двѣ расы, которыя не могутъ примириться другъ съ другомъ. На самомъ же дѣлѣ, пятимилліонное манчжурское населеніе Китая не представляетъ собой чего-то однороднаго. И уже при первыхъ же сраженіяхъ между революціонными арміями и оставшимися вѣрными династіи войсками многіе манчжуры переходили на сторону возставшаго народа. Какъ констатировалъ революціонный генералъ Ли-уанъ-Шинъ въ своемъ письмѣ адмиралу Са, убѣждая послѣдняго перейти на сторону революціи, во время битвы въ Хан-Коу, манчжурскія женщины и дѣти выходили изъ своихъ домовъ и подносили чай и другіе напитки возставшимъ китайцамъ.

Что представляетъ собой это «татарское иго», о которомъ говорятъ въ своей прокламаціи къ правительствамъ иностранныхъ державъ «Китайскіе граждане», объявляя, что они идутъ на Пекинъ, чтобы прогнать манчжурскую династію, свергнуть татарское иго, учредить республику, установить самыя тѣсныя сношенія съ дружескими націями, упрочить международный миръ и содѣйствовать счастью всего человѣчества.

Какъ разсказываютъ нѣкоторые историки, въ 1644 году одинъ китайскій генералъ, которому поручено было воевать съ манчжурами, вздумалъ обратиться къ своимъ врагамъ съ предложеніемъ помочь ему низвергнуть самозванца, который провозгласилъ себя императоромъ и овладѣлъ тропомъ богдыхана. Татарскіе наѣздники прибыли въ Пекинъ, были приняты населеніемъ, какъ освободители, низвергли самозванца и посадили на тронъ своего представителя. Подобно варягамъ въ древней Руси, они пришли по приглашенію и стали княжить и володѣть китайской землей. Они оставили китайскихъ чиновниковъ на своихъ мѣстахъ, но на высшихъ ступеняхъ бюрократической лѣстницы присоединили къ каждому чиновнику одного манчжура. Во главѣ всей

администраціи былъ поставленъ Верховный Совѣтъ, состоявшій изъ двухъ китайцевъ и двухъ манчжуръ подъ представительствомъ императора. Каждому китайскому губернатору былъ данъ для охраны порядка въ его области татарскій отрядъ, находившійся подъ начальствомъ татарскаго же генерала, въ рукахъ котораго въ сущности и находилась вся власть. Китайцамъ была открыта дорога ко всѣмъ гражданскимъ должностямъ, но военная профессія была закрыта для нихъ. Наоборотъ, манчжурамъ было запрещено занимать гражданскія должности: прежде, чѣмъ они не добились опредѣленнаго военнаго чина. Такимъ образомъ, татары должны были остаться прежде всего военнымъ сословіемъ, которое силой оружія сумѣло бы охранять свою власть надъ 200 милліоновъ подчиненныхъ китайцевъ. Китай, въ качествѣ татарскаго владѣнія, представляетъ собой типъ колоній, какъ ее понимали и умѣли организовать воинственные кочевники.

Императорская гвардія набиралась до недавняго времени исключительно изъ манчжуровъ, равнымъ образомъ, въ важнѣйшихъ городахъ милиція, на которой лежала обязанность защищать въ случаѣ опасности центральную власть, тоже набиралась исключительно изъ манчжуръ. Въ центрѣ каждаго города внутри первой укрѣпленной, черной и обвалившейся съ пушками 15, 16 вѣка, можно видѣть вторую стѣну. Эта манчжурская цитадель, готовая, при первомъ сигналѣ, бросить свой гарнизонъ въ аттаку противъ первой стѣны. За башнями этой цитадели живутъ манчжурскіе солдаты, которымъ до послѣдняго времени было запрещено заниматься другимъ ремесломъ, кромѣ военнаго.

Въ принципѣ всѣ манчжуры принадлежатъ къ «знаменнымъ войскамъ», на обязанности которыхъ лежитъ защита династіи. Манчжуры не имѣютъ права заниматься никакой профессіей и обрабатывать землю, съ своей стороны, правительство обязано уплачивать имъ регулярное жалованье, давать квартиру и пищу. Но достаточно принять во вниманіе, что манчжуровъ въ настоящее время числится 5.000.000 душъ, что изъ нихъ сформирована только одна дивизія, что имъ запрещено вступать въ бракъ съ китайцами и т. д., что, въ виду невозможнаго финансоваго положенія имперіи, правительство имѣло возможность выплатить установленное жалованье только самой ничтожной горсти «татаръ», чтобы понять, что подавляющая масса манчжуръ имѣла всѣ основанія быть, подобно китайцамъ, недовольной существующимъ порядкомъ вещей. Декретъ 27 сентября 1907 г., распустившій «знаменныя войска», уничтожившій барьеръ, отдѣлявшій манчжуръ отъ китайцевъ, разрѣшавшій первымъ заниматься торговлей земледѣліемъ, не улучшилъ положенія манчжуровъ. Наоборотъ, многіе знаменные солдаты, которые раньше получали мизерное жалованье,

очутились безъ всякихъ средствъ къ существованію. Многіе изъ нихъ, подъ вліяніемъ отчаянія и въ видѣ протеста, стали прибѣгать къ самоубійству, другіе грозили возстаніемъ. Въ концѣ-концовъ, число недовольныхъ увеличилось сотнями тысячъ обнищавшихъ татарскихъ бѣдняковъ, не имѣвшихъ порой ни крова, ни куска хлѣба. Но, понятно, на верхахъ соціальной лѣстницы, потомки генераловъ и офицеровъ, командовавшихъ арміей завоевателей, сохранили въ своихъ рукахъ высшіе посты при дворцѣ въ «Княжескомъ приказѣ» (Цзюнь-жень-фу), въ Государственномъ Совѣтѣ (Цзюнь-цзи-чу), въ министерствахъ (Вай-вубу, Либу и т. д., на должностяхъ губернаторовъ, намѣстниковъ маршаловъ и т. д. Кромѣ того, манчжурская знать сохранила и даже усилила въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія свое значеніе въ качествѣ поземельной аристократіи. Династія раздавала высшимъ манчжурскимъ чиновникамъ въ награду за различныя заслуги колоссальные участки земли, а крестьяне, обобранные, выгнанные съ родныхъ пепелищъ, умирая съ голоду, побирались милостыней, или попадали въ руки всякаго рода темныхъ агентовъ, которые вывозили ихъ толпами въ южную Африку, въ Америку, въ Австралію и т. д., гдѣ они, въ неимовѣрныхъ тяжкихъ условіяхъ, работали въ рудникахъ, копяхъ и т. д. Во многихъ областяхъ Китая манчжурскіе помѣщики царили до послѣдняго времени, какъ средневѣковые феодалы. И еще нынѣ въ нѣкоторыхъ глухихъ уголкахъ имперіи, порой обширныхъ, какъ цѣлая губернія, сохранилась, какъ, напримѣръ, въ провинціи Юннанъ, настоящая феодальная аристократія, съ которой ничего не могутъ подѣлать представители центральной власти. Позади этихъ феодаловъ стоятъ, какъ въ Албаніи, могучіе кланы, готовые подняться по первому знаку своего князя.

Итакъ, «татарская орда», завоевавшая Китай, давнымъ давно разслоилась на двѣ рѣзко противоположныя группы владѣтельныхъ князей, богатѣйшихъ помѣщиковъ, обладающихъ необозримыми территоріями, и на бездомныхъ пролетаріевъ, на угнетателей и угнетенныхъ. Чисто китайское же населеніе никогда не представляло однороднаго цѣлаго. На верхахъ бюрократической лѣстницы мы видимъ тысячи мандариновъ чистой китайской крови, во главѣ государства, мы видимъ въ каждый данный моментъ природныхъ китайцевъ. Напримѣръ, въ концѣ минувшаго столѣтія, всемогущаго вершителя судебъ Срединной имперіи, безконтрольнаго руководителя ея внутренней и внѣшней политики, пресловутаго Ли-хун-Чанга, этого китайскаго Бисмарка, а нынѣ цѣлый рядъ другихъ китайскихъ же вліятельныхъ бюрократовъ, какъ, напримѣръ, Цень-Чунь-Сюяна, Чжан-Джи-Дуня, и т. д., не говоря уже о пресловутомъ Юан-ши-Каѣ, достойномъ ученикѣ Ли-Хун-Чанга. Юан-ши-Кай, этотъ замѣчательнѣйшій госу-

дарственный человѣкъ послѣдняго періода китайской исторіи, знаменитый организаторъ преобразованной китайской арміи, министръ финансовъ и путей сообщенія, сыгралъ особенно роковую роль въ развитіи своей страны, предавъ несчастнаго императора Гуан-сюя реакціонерамъ и выдавъ планы реформаторовъ вдовствующей императрицѣ. Цы-зы. И цѣлый рядъ другихъ мандариновъ, въ которыхъ текла чистая китайская кровь, съ восторгомъ встрѣтили coup d'etat 21 сен. 1898 г., заточеніе императора-реформатора и начало правленія реакціонной императрицы, казнившей однихъ реформаторовъ, подвергшей пыткамъ другихъ и возстановившей въ имперіи старые порядки.

Понятно, все это хорошо извѣстно было д-ру Сун-ят-Сэну. «Принципъ борьбы расъ», выдвинутый д-ромъ въ его программѣ, имѣлъ цѣлью только облегчить народнымъ массамъ усвоеніе идеи республики, какъ единственной формы правленія, которая могла бы придти на смѣну маньчжурскому абсолютизму. И нужно прибавить, что этотъ кличъ «долой маньчжуровъ», встрѣченный довольно спокойно во многихъ городахъ, гдѣ сами жители и революціонныя войска принимали всяческія мѣры, чтобы не было нанесено какой-либо обиды мирнымъ маньчжурамъ, повелъ въ китайскихъ деревняхъ къ тому, что возмутившіеся крестьяне, первымъ дѣломъ, избивали маньчжуръ, какъ представителей крупной поземельной аристократіи, какъ помѣщиковъ, захватившихъ въ свои руки всѣ земельныя богатства. Проектъ экспропріаціи всей помѣщичьей земли и раздѣла ея между арендующими ее общинами былъ принятъ съ энтузіазмомъ всѣмъ земледѣльческимъ классомъ и немало содѣйствовалъ успѣху революціи въ деревнѣ.

***

Русско-японская война съ ея неожиданными результатами—разгромомъ гигантской, но отсталой Россіи и блестящими побѣдами конституціонной Японіи—произвела сильное впечатлѣніе въ правящихъ кругахъ Срединной имперіи. На верхахъ бюрократіи, вокругъ трона, тогда опредѣлились три правительственныя партіи: маньчжурская реакціонная партія, во главѣ которой стоялъ принцъ Цинъ, самый старшій по лѣтамъ представитель царствующей династіи; сюда вошли всѣ мракобѣсы, министры, бывшіе тайными вождями пресловутаго боксерскаго возстанія, всѣ вліятельные китайскіе черносотенцы и т. д. Маньчжурская прогрессивная партія, куда вошли Принцъ Су, вице-король Дуань-Фанъ, Герцогъ Цзай-цзе и многіе другіе вліятельные маньчжуры. Эта группа защищала идею уничтоженія всякихъ перегородокъ между маньчжурами и китайцами, настаивала на неотложномъ проведеніи другихъ реформъ, но указывала на необходимость извѣстной постепенности въ этомъ вопросѣ,

предлагая начать дѣло реформъ, прежде всего, съ преобразованія одной провинціи, именно Манчжуріи. Наконецъ, правительственная партія китайскихъ реформистовъ, какъ бы продолжала дѣло Канг-ю-вея, такъ трагически прерванное въ 1898 г. Главными представителями этой группы были вице-король двухъ Х (Хубей и Хунань), Чжанъ-чжи-дунъ, вице-король двухъ Куанговъ Цэнь-Чунь-сюанъ и многіе другіе бюрократы чистой китайской крови. Оставаясь вѣрными династіи, эти чиновники указывали на необходмость введенія реформъ во всей имперіи, главнымъ образомъ, въ области образованія, защищали идею всеобщей грамотности, введенія всеобщей воинской повинности и т. д.

Чжанъ-чжи-дунъ сыгралъ выдающуюся роль въ дѣлѣ народнаго образованія въ Китаѣ. Это очень интересная фигура. Въ 1898 г. онъ написалъ брошюру «Призывъ къ ученію», которая такъ понравилась императору, что тотъ разослалъ по одному экземпляру ея всѣмъ губернаторамъ, съ совѣтомъ перепечатать и распространить среди населенія. Но Чжань-чжи-дунъ не удовлетворился одной литературной дѣятельностью. У себя въ столицѣ въ Вучангѣ (Хчанѣ), главномъ административномъ центрѣ Хучуанскаго генералъ-губернаторства, обнимающаго двѣ провинціи Хубей и Хунань, онъ, по ту сторону грязнаго стараго города, за холмомъ, выстроилъ совершенно новый оригинальный городъ, состоящій исключительно изъ всякаго рода училищъ. На вершинѣ холма онъ выстроилъ школу для маленькихъ дѣтей; у подножія,—школу правовѣдѣнія, гдѣ училось 200 юношей; далѣе академію языковъ, гдѣ взрослые юноши, въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ, изучившіе предварительно русскій, японскій, англійскій и другіе языки, заканчивали свое образованіе подъ руководствомъ иностранныхъ профессоровъ; затѣмъ шли въ рядъ или другъ противъ друга военная академія, горная школа, желѣзнодорожное училище, гдѣ читали лекціи и преподавали американцы, школа полицейскихъ, школа химическая, школа искусствъ и ремеслъ, агрономическій институтъ, женская школа, геологическая школа и т. д. Чжин-чжи-дунъ проводилъ ту идею, что изъ десяти существующихъ храмовъ семь должны быть превращены въ школы, а 0,7 расходовъ, идущихъ на содержаніе монаховъ, обращены на школьное образованіе, доказывая, что иначе Китай погибнетъ подъ напоромъ внѣшнихъ враговъ. Въ религіозномъ отношеніи Чжин-чжи-дунъ былъ свободомыслящимъ; онъ полагалъ, что китайскія религіи буддизмъ и даосизмъ не продержатся долго и уступятъ мѣсто христіанской религіи. Со смертью Чжан-чжи-дуна въ октябрѣ 1909 г., изъ рядовъ манчжуро-китайской бюрократіи ушелъ неоцѣненный дѣятель-образователь, маленькій Петръ Великій, необыкновенно современный и кстати пришедшійся китайцамъ.

Стремленіе къ образованію является основной чертой китайскаго общества послѣдняго десятилѣтія. Нигдѣ престижъ грамотнаго человѣка не стоитъ такъ высоко, какъ въ темномъ Китаѣ. Въ 1904 г. въ японскихъ школахъ училось 591 китаецъ, въ 1905 г. ихъ было уже 2,406, въ 1906—8.620, а въ 1907—уже насчитывалось болѣе 10.000 китайскихъ студентовъ въ Японіи. Стремленіе къ образованію получило за послѣднее время прямо стихійный характеръ, и частная инціатива въ этомъ отношеніи шла далеко впереди правительственной. Во время «чумной конференціи» нѣмецкіе врачи говорили: «Китай за какіе-нибудь три-четыре года сдѣлалъ въ интеллектуальномъ отношеніи такой шагъ впередъ, какой другія націи сдѣлали бы въ нѣсколько десятковъ лѣтъ».

Итакъ, три правительственныя группы, путемъ придворныхъ интригъ боролись между собой, стараясь направить государственный корабль каждая по своему пути. Среди государственныхъ дѣятелей Китая одинъ сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ для этихъ партій, склоняясь сегодня на одну сторону, завтра на другую, то выступая въ роли энергичнаго реформатора, то защищая старину и интересы реакціонной клики. То былъ Юан-ши-Кай. Этотъ толстый, съ трудомъ движущійся человѣкъ, небольшого роста, съ отвислыми щеками, съ широкими жирными плечами, которому, казалось, всякое движеніе причиняло боль, и въ которомъ лишь умные, проницательные глаза обнаруживали энергію и желѣзную волю, былъ своего рода китайскимъ Витте. Буржуазія Срединной имперіи, несмотря на всѣ его измѣны и предательства, долгое время довѣряла ему, считая его своимъ человѣкомъ, только потому, что знала, какъ манчжурская черносотенная партія ненавидитъ и боится Юан-ши-Кая. Блестящая карьера Юан-ши-Кая началась, собственно, въ 1898 г., когда онъ измѣнически выдалъ планы императора вождю манчжурской реакціонной партіи Юн-лу, котораго онъ же взялся арестовать, и, такимъ образомъ, способствовалъ дворцовому перевороту 21 сент., и послѣдовавшему правительственному террору. Императрица возвысила Юан-ши-Кая, въ награду за его роль въ государственномъ переворотѣ, до положенія самаго могущественнаго и вліятельнаго сановника въ государствѣ. Послѣ японскихъ побѣдъ 1904—1905 г., когда сознаніе необходимости реформъ съ особой силой стало развиваться даже въ правящихъ кругахъ Срединной имперіи, бюрократія устремила свои взоры на Юан-ши-Кая, какъ на единственнаго государственнаго человѣка, который могъ бы осуществить великое дѣло преобразованія имперіи, не посягая на привиллегіи мандариновъ и всей господствующей клики. Юан-ши-Кай былъ не только вице-королемъ важнѣйшей провинціи, ему было поручено командованіе шестью дивизіями преобразованной сѣверной

арміи и управленіе министерствомъ финансовъ и путей сообщенія. Именно въ 1905 г. Юан-ши-Кай руководилъ первыми большими военными маневрами въ Китаѣ, на которыхъ были приглашены иностранные, военные атташе, и о которыхъ было напечатано много статей и даже отдѣльныхъ брошюръ въ Европѣ и Америкѣ. Эти маневры произвели большое впечатлѣніе въ Китаѣ, такъ боявшемся внѣшнихъ враговъ, и немало содѣйствовали подъему престижа Юан-ши-Кая даже въ тѣхъ кругахъ, которые ненавидѣли его за участіе въ переворотѣ 1898 г. Послѣ этихъ маневровъ и блестящихъ отзывовъ о нихъ европейскихъ атташе, вліяніе Юан-ши-Кая при дворѣ подымается до необычайной степени. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинается кратковременная эпоха реформъ сверху. Прежде всего, правительство отправляетъ въ Европу и С. Штаты двѣ чрезвычайныя миссіи для ознакомленія съ государственнымъ строемъ различныхъ государствъ, конституціонными законами, организаціей народнаго образованія, арміи и т. д. Объявляется указъ объ отмѣнѣ пытокъ при судебномъ слѣдствіи. Далѣе объявленъ указъ о реформѣ военныхъ училищъ, о введеніи европейской формы въ войскахъ, открыты въ различныхъ частяхъ имперіи новыя школы. Приняты мѣры для борьбы съ употребленіемъ опіума. Впервые слово «конституція» стало открыто упоминаться въ китайской прессѣ въ 1905 г., а первый императорскій декретъ, говорившій о скоромъ введеніи конституціи, былъ объявленъ въ сент. 1906 г. Между тѣмъ, народное недовольство въ странѣ обострялось, повсюду вспыхивали болѣе или менѣе серьезныя волненія. Различные классы населенія не желали удовлетворяться правительственными полумѣрами и требовали немедленнаго провозглашенія конституціи. Наконецъ, весной 1907 г. въ шести южныхъ провинціяхъ вспыхнуло грандіозное возстаніе. Въ одной только провинціи Чуан-дунъ образовалась громадная 60-тысячная армія, которая дала цѣлый рядъ сраженій императорскимъ войскамъ. Возстаніе было подавлено, однако революціонерамъ удалось, несмотря на пораженіе, спрятать оружіе и аммуницію въ надежныхъ мѣстахъ. Это возстаніе вызвало сильное смятеніе въ правительственныхъ кругахъ и обострило борьбу между придворной партіей реакціонеровъ и группой чиновниковъ «прогрессистовъ». Террористическій актъ 6 ноября 1907 г. убійство генералъ-губернатора провинціи Нган-Уи директоромъ школы полицейскихъ, китайцемъ Силиномъ, вооруженное сопротивленіе будущихъ полицейскихъ военной силѣ, признаніе директора школы, что онъ принадлежалъ къ революціонной партіи и занялъ постъ въ полиціи именно для того, чтобы скорѣе и легче осуществить свои революціонные планы, все это произвело необычайное впечатлѣніе на все китайское общество и вызвало безпримѣрную панику въ высшихъ кругахъ. Императрица въ страхѣ немедленно при-

звала во дворецъ Юан-ши-Кая. Снова началась комедія реформъ. Было объявлено особымъ декретомъ объ образованіи новаго бюрократическаго учрежденія «Высшей Палаты», «Административнаго и конституціоннаго контроля», которое должно было выработать конституціонные законы, была отправлена новая большая миссія заграницу для изученія иностранныхъ конституцій, наконецъ, во всѣхъ губерніяхъ были организованы «Провинціальные Сеймы». Но, при подкупѣ, взяточничествѣ, свирѣпствующихъ среди китайскихъ мандариновъ, всякая новая реформа лишь служила для чиновниковъ средствомъ новыхъ вымогательствъ. Какъ извѣстно, въ Китаѣ до сихъ поръ сохранилась, правда, въ замаскированной формѣ, система откупа должностей. Платя громадныя сумму за свои должности высшіе чиновники китайскіе въ то же время получаютъ самое ничтожное жалованье. Достаточно указать на примѣръ, что ген.-губернаторъ двухъ Куантовъ, области, которая, и по своимъ размѣрамъ и по численности населенія, превосходитъ Францію, получалъ въ качествѣ официальнаго жалованья 600 рублей въ годъ. Понятно, эти воеводы на кормленіи пользуются всякимъ удобнымъ поводомъ, чтобы обложить населеніе новыми поборами въ свою пользу. Подъ предлогомъ большихъ расходовъ, вызываемыхъ новыми военными и административными реформами, они облагаютъ всѣ продукты первой необходимости—чай, сахаръ, табакъ, рисъ—налогами. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, какъ, напримѣръ, въ Кин-чеу, губернаторъ установилъ такую высокую таксу на всевозможные предметы, въ томъ числѣ на мясо, топливо, и т. д., что населеніе не вытерпѣло и возстало. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ населеніе уничтожало даже правительственныя школы, такъ какъ ихъ содержаніе служило порой поводомъ къ чудовищнымъ поборамъ.

Такимъ образомъ, правительственныя нововведенія, не принося никакой существенной пользы народу, въ то же время увеличивали налоговое бремя, и безъ того тяжкое для обнищавшаго населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ реформы пугали крайнихъ реакціонеровъ. Манчжурская консервативная партія не могла успокоиться и готовилась къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. 2 января 1909 г. Юан-ши-Кай покинулъ императорскій дворецъ въ особенно хорошемъ настроеніи. Принцъ-регентъ въ этотъ день отнесся къ великому государственному дѣятелю съ необычайнымъ вниманіемъ и осыпалъ его знаками своей милости, говоря о безсмертныхъ заслугахъ своего министра передъ отечествомъ, объ его значеніи для страны и т. д. А когда Юан-ши-Кай прибылъ къ себѣ на домъ, ему подали императорскій декретъ, въ которомъ было сказано, что, такъ какъ Юан-ши-Кай страдаетъ ревматизмомъ, и у него сильно болитъ нога, онъ, въ знакъ особой къ нему высочайшей милости, отставляется отъ всѣхъ своихъ должностей съ при-

казомъ немедленно вернуться на мѣсто родины, чтобы тамъ полечиться. Такъ въ январѣ 1909 г. китайскій Витте былъ отстраненъ отъ руководства государственными дѣлами и замѣненъ представителемъ манчжурскаго объединеннаго дворянства, ставленникомъ придворной камарильи—чистокровнымъ манчжуромъ Натонгомъ.

***

Между тѣмъ, народное броженіе не прекращалось ни на минуту. Вся страна, начиная съ крестьянъ, городскихъ рабочихъ и геройскаго студенчества и кончая высшими представителями именитаго купечества, равно какъ многими членами самой бюрократіи, волновалась, какъ кипящій котелъ. Это настроеніе съ особой силой обнаружилось въ знаменитой петиціонной кампаніи. Въ январѣ 1910 г. провинціальные сеймы, избранные на основѣ крайне ограниченной цензитарной системы и въ которые могли проникнуть, поэтому, лишь очень состоятельные граждане, рѣшили представить трону петицію о необходимости ускорить созывъ парламента и введеніе конституціоннаго строя. Въ началѣ 1910 г. въ Пекинъ прибыло 45 делегатовъ отъ 12 провинціальныхъ сеймовъ для представленія петиціи императорскому правительству. Населеніе Пекина встрѣтило провинціальныхъ делегатовъ съ необычайнымъ торжествомъ. Были устроены многочисленные митинги, на которыхъ значительная часть публики, какъ это часто бываетъ въ Китаѣ въ подобныхъ случаяхъ, горько плакала по поводу печальнаго положенія страны. Регентъ отказался принять делегацію. Однако, послѣдняя передала ему первую петицію, о созывѣ парламента, не позже, чѣмъ черезъ годъ. 30 января былъ опубликованъ декретъ, которымъ объявлялось, что, во исполненіе воли почившихъ государей и чтобы подготовить страну къ новому государственному режиму, конституція будетъ введена черезъ 9 лѣтъ. А т. к. этотъ промежутокъ былъ обозначенъ въ декретѣ, опубликованномъ въ концѣ 1908 г., веденіе конституціи оказывалось отсроченнымъ еще на годъ. Декретъ 30 янв. 1910 г. былъ принятъ, какъ насмѣшка и оскорбленіе. Делегаты вернулись по домамъ. Снова во всей странѣ началась усиленная агитація. Секретныя общества заволновались. Въ іюнѣ 910 г. была представлена новая петиція, въ которой было сказано, что ссылка на неподготовленность страны къ конституціонному режиму является лишь предлогомъ, чтобы дать возможность мандаринамъ еще 9 лѣтъ заниматься взяточничествомъ и хищеніями... «Чѣмъ дальше и усерднѣе мандарины будутъ подготовляться къ конституціи, тѣмъ скорѣе будетъ разорена окончательно страна». Въ отвѣтъ на эту дерзкую петицію, регентъ выпустилъ новый декретъ, въ которомъ объявлялась его неотмѣнная воля ввести конституцію не раньше, чѣмъ

черезъ 9 лѣтъ, и строго запрещалось подавать и принимать подобныя петиціи подъ угрозой суровыхъ наказаній. Этотъ отвѣтъ никого не напугалъ, а вызвалъ лишь сильное возбужденіе во всей странѣ. Делегаты провинціальныхъ сеймовъ рѣшили подать третью петицію и снова прибыли въ столицу въ декабрѣ того же 1910 г. На этотъ разъ къ нимъ, между прочимъ, присоединились 2.000 студентовъ, прибывшихъ спеціально для этой цѣли изъ Манчжуріи и Тіен-тзина. Громадная толпа народа подошла къ дворцу и подала регенту 3-ю и послѣднюю петицію, написанную кровью. Съ этой цѣлью одинъ студентъ отрубилъ себѣ палецъ, другой проткнулъ себѣ ладонь, третій хотѣлъ распороть себѣ животъ и умереть, лишь бы его кровью была написана эта петиція. Ему помѣшали привести это въ исполненіе, но онъ все же успѣлъ нанести себѣ рану въ предплечье и отдать часть своей крови на народное дѣло. Затѣмъ громадная толпа народа устроила демонстрацію передъ дворцомъ. Напуганный регентъ пошелъ на уступки и объявилъ, что петиція будетъ передана въ, такъ называемый, «Временный (Предварительный) с е н а т ъ» для надлежащаго разсмотрѣнія. Но скоро регентъ забилъ отбой. Онъ сдѣлалъ строжайшій выговоръ министру внутреннихъ дѣлъ и пекинскому генералъ-губернатору и приказалъ имъ выслать делегатовъ изъ столицы... Извѣстный организаторъ и вдохновитель петиціонной кампаніи, президентъ тайнаго общества Тонгтхе былъ арестованъ и сосланъ въ отдаленныя мѣста имперіи, въ китайскій Туркестанъ. Между тѣмъ, «временный Сенатъ» началъ свою работу. Этотъ Сенатъ, составленный наполовину изъ членовъ, назначенныхъ самимъ регентомъ, изъ мандариновъ китайской и манчжурской крови, изъ принцевъ императорской фамиліи, изъ 10 крупнѣйшихъ богачей и другихъ знатныхъ лицъ, наполовину изъ членовъ, избранныхъ провинціальными совѣтами и одобренныхъ вице-королемъ и губернаторомъ, долженъ былъ, въ представленіи реакціонной партіи, стать оплотомъ правительства. Однако, къ удивленію регента и придворной камарильи, Сенатъ одобрилъ петицію, поданную делегатами провинціальныхъ собраній, и постановилъ съ своей стороны ходатайствовать за сокращеніе срока созыва парламента на 4 года. Разгнѣванный регентъ приказалъ распустить сенатъ немедленно послѣ окончанія трехмѣсячной сессіи, установленной для него закономъ. Сенатъ разошелся, но объявилъ объ учрежденіи имъ особой «постоянной комиссіи», которая должна была остаться въ Пекинѣ, чтобы продолжать, въ промежуткѣ между сессіями, дѣло борьбы за реорганизацію страны. Такимъ образомъ, стало ясно, что д а ж е к о н с е р в а т и в н ы е э л е м е н т ы с т р а н ы, в ъ л и ц ѣ м н о г и х ъ п р е д с т а в и т е л е й м а н ч ж у р с к о й з н а т и и к р у п н о й б у р ж у а з і и, н а п у г а н н ы е п р и з р а к о м ъ н а д в и г а ю щ е й с я

революціи и опасности извнѣ, не желали примириться со старымъ самодержавнымъ режимомъ и требовали уступокъ духу времени. Даже всѣ вице-короли, за исключеніемъ генералъ-губернаторовъ области Шанзи и двухъ Кіанговъ, подали рапорты о необходимости введенія конституціи въ интересахъ сохраненія порядка въ странѣ и спасенія государства отъ окончательной гибели. Самъ братъ регента, молодой принцъ Тзай-Тао, недавно прибывшій изъ-за границы, высказался въ пользу конституціи. Напуганная всѣми этими фактами, придворная камарилья измѣнила свою тактику. 5 ноября 1910 г. принцъ-регентъ отказался отъ своего предыдущаго декрета и всемилостивѣйше, именемъ малютки-государя, объявилъ, что конституція будетъ введена черезъ три года.

**
*

Но это обѣщаніе не могло уже никого удовлетворить. Да и ждать было некогда. Русско-японское сближеніе, которое разсматривалось всѣми сознательными китайцами, какъ явно-враждебный актъ, направленный противъ Срединной имперіи, русско-японская политика въ Манчжуріи, русско-китайскій конфликтъ чуть было не завершившійся войной—все это усиливало тревогу въ населеніи и говорило о неотложности рѣшительныхъ мѣръ. Китайская пресса печатаетъ тревожныя статьи о наводненіи Манчжуріи русскими и японскими войсками, о самовольномъ стратегическомъ переустройствѣ японцами андунь-мукденской желѣзной дороги, что облегчаетъ японскимъ арміямъ вторженіе въ центръ Срединной имперіи, о захватѣ русскими 64 китайскихъ деревень на берегу Амура, близъ Айхуня, о самовольномъ переселеніи правительствомъ Микадо 40.000 китайцевъ въ японское подданство. Вся страна, вплоть до самыхъ глухихъ деревушекъ, наводняется прокламаціями всякаго рода тайныхъ обществъ, «Небеснаго Дракона», «Красной лампы», «Поднебесной вооруженной дружины», «Объединеннаго Китая», прокламаціями, говорящими о внѣшней опасности, о народной нищетѣ, о неудачѣ петиціонной кампаніи, показавшей даже всѣмъ слѣпымъ, что манчжурская династія не пойдетъ навстрѣчу народнымъ требованіямъ, что ея цѣль лишь усыпить и обмануть китайцевъ и что необходимо взять оружіе въ руки, чтобы перебить измѣнниковъ народа, продающихъ страну иностранцамъ, питающимся китайскою кровью и т. д. Всѣ тайныя общества начинаютъ объединяться, вмѣстѣ съ тѣмъ завязывается усиленная переписка съ революціонными китайскими организаціями, такъ сказать, группами содѣйствія, въ С.-Франциско, Лондонѣ, Парижѣ и т. д. Въ первыхъ числахъ апрѣля 1911 г. китайскій посланникъ въ Вашингтонѣ доноситъ, что нѣсколько

выдающихся китайскихъ революціонеровъ выѣхали недавно изъ Америки въ Пекинъ. Въ этомъ же мѣсяцѣ въ Кантонѣ, вслѣдъ за убійствомъ татарскаго генерала Фуки революціонеромъ Уэн-Сингомъ, преждевременно вспыхиваетъ возстаніе, которое распространяется на всѣ прилегающія области, захватываетъ громадный районъ и принимаетъ характеръ настоящей революціи. Правительственная армія, подъ командой адмирала Ли, подавляетъ возстаніе, причемъ сотни революціонеровъ безпощадно разстрѣливаются. Но неудачи апрѣльскаго возстанія, организованнаго мѣстной революціонной группой, не обезкуражила населенія. Весь южный Китай начинаетъ готовиться къ рѣшительному бою. Въ центральныхъ областяхъ и въ самомъ Пекинѣ усиливается пропаганда въ войскахъ. Всѣмъ солдатамъ, офицерамъ и генераламъ отправляются письма и прокламаціи, взывающія къ ихъ патріотическому чувству, говорящія о неизбѣжности всенароднаго возстанія, выражающія увѣренность, что китайская армія поможетъ народу свергнуть манчжурскую династію и истребить всѣхъ ея сторонниковъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ связи съ отправкой нѣмецкаго судна въ Агадиръ и газетными статьями объ обостреніи англо-германскихъ и франко-германскихъ отношеній, въ китайскихъ колоніяхъ заграницей, въ революціонныхъ кругахъ на родинѣ и во всей прессѣ Срединной имперіи начинаются толки о возможности и даже о неизбѣжности международной войны. Многіе китайцы спѣшно покидаютъ Нью-Іоркъ, С.-Франциско, Лондонъ и т. д. и отправляются на родину. Въ началѣ октября всѣ китайскія газеты печатаютъ телеграммы объ Итало-Турецкомъ конфликтѣ, о бомбардировкѣ турецкаго побережья итальянскимъ флотомъ, объ обостреніи отношеній между Италіей и Австріей и т. д. На засѣданіяхъ революціонныхъ клубовъ политики указываютъ на то, что у европейскихъ правительствъ надолго будутъ связаны руки, что Россія, въ свою очередь, не рискнетъ на какія-нибудь непріязненныя дѣйствія противъ Китая въ виду осложненій въ Европѣ и перспективы раздѣла Турціи, что отношеніе С. Штатовъ къ республиканскому движенію въ Китаѣ самое благопріятное, и т. д., и они не допустятъ враждебныхъ дѣйствій противъ Китая со стороны правительства Микадо, словомъ, что съ международной точки зрѣнія настоящій моментъ самый удобный для послѣдняго рѣшительнаго боя, для организаціи повсемѣстнаго возстанія. Особое вниманіе, съ которымъ китайскіе революціонеры относились къ международному положенію, объясняется памятью китайскихъ революціонныхъ круговъ о роли въ подавленіи знаменитаго Тайпинскаго возстанія въ 1850 по 1864 г.), сыгранной европейскими войсками и, главнымъ образомъ, пресловутымъ англійскимъ генераломъ Гордономъ, погибшимъ впо-

слѣдствіи при осадѣ Хартума. Еще болѣе всѣмъ китайцамъ были памятны событія 1900 г. и роль иностранныхъ войскъ въ подавленіи боксерскаго возстанія.

9 октября въ связи съ открытіемъ революціоннаго центра и лабораторіи бомбъ на территоріи русской концессіи въ Ханькоу и казнью четырехъ революціонеровъ, вспыхиваютъ безпорядки въ этомъ городѣ, которые неожиданно перебрасываются на всѣ прилегающія мѣстности и сразу принимаютъ характеръ невиданнаго дотолѣ, по своей организаціи, подготовленности *) и грандіознымъ размѣрамъ, революціоннаго движенія. Небольшая революціонная армія, состоящая первоначально изъ нѣсколькихъ тысячъ мѣстныхъ и прибывшихъ изъ-за границы китайскихъ студентовъ, изъ членовъ тайныхъ обществъ, изъ нѣсколькихъ сотъ военныхъ растетъ, какъ снѣжный комъ. Прежде всего она овладѣваетъ резиденціей вице-короля въ университетскомъ городѣ Вучангѣ. На другой день генералъ, командующій гарнизономъ въ Ханьянгѣ, при безумномъ восторгѣ его солдатъ, переходитъ на сторону революціи и подымаетъ надъ правительственнымъ арсеналомъ трехцвѣтное красно-бѣло-голубое знамя республики, которое скоро взвивается надъ тремя важнѣйшими городами южнаго и центральнаго Китая. Вся страна наводняется прокламаціями: «Мы разбросали красныя сѣмена святого гнѣва по всей имперіи. Настанетъ день жатвы, красные огни отмщенія поработителямъ-манчжурамъ поднимаются повсюду. Вставайте»... 15 тысячъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ мѣстной линіи, какъ одинъ человѣкъ, подымаются для борьбы за республику. Въ оружіи недостатка нѣтъ, хотя въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, таможня чуть ли ни ежеенедѣльно захватывала въ портахъ и пограничныхъ пунктахъ громадныя партіи оружія, пороха и бомбъ. Множество лицъ, имѣвшихъ при себѣ свидѣтельства иностранныхъ миссіонерскихъ учрежденій, давно уже развозили по провинціямъ въ своихъ корзинахъ, подъ слоемъ книгъ священнаго писанія, браунинги, маузеры, патроны и прокламаціи. А захватъ огромнаго арсенала въ Ханьянѣ, важнѣйшаго послѣ Шанхайскаго арсенала въ имперіи, съ

*) Тѣмъ не менѣе, и это возстаніе, какъ обыкновенно бываетъ, вспыхнуло «преждевременно», недѣли на двѣ раньше, чѣмъ предполагалось. Въ связи съ обнаруженіемъ лабораторіи бомбъ въ Ханкоу и многочисленными арестами, послѣдовавшими за тѣмъ, были захвачены у нѣкоторыхъ революціонеровъ очень важные документы, въ томъ числѣ планъ аттаки города Вучанга, зашифрованный списокъ генераловъ и офицеровъ, примкнувшихъ къ заговору, списокъ мѣстъ, гдѣ хранились взрывчатые снаряды, аммуниція и т. д. Это раскрытіе и заставило главный революціонный штабъ дать сигналъ къ немедленному бою.

100 крупповскими пушками и 40.000 ружей и переходъ цѣлыхъ полковъ и дивизій на сторону революціи способствовалъ поразительно быстрому распространенію движенія. Правительство скоро увидѣло, что передъ нимъ не столь обычный въ Китаѣ частичный бунтъ народныхъ массъ, измученныхъ голодомъ и доведенныхъ до отчаянія жестокими поборами, пытками и казнями, но всеобщая революція. Переходъ значительной части арміи и флота на сторону возставшаго населенія, а ссобенно грозный ультиматумъ второй сѣверной арміи, которая, получивъ 29-го октября приказъ двинуться въ походъ противъ мятежниковъ, отправила въ тотъ же день отвѣтъ правительству отъ имени всѣхъ солдатъ, офицеровъ и своего генерала, требуя немедленнаго провозглашенія конституціи, удаленія изъ состава министерства всѣхъ членовъ императорской фамиліи и амнистіи всѣмъ политическимъ, напугали придворную камарилью. 30 октября принцъ-регентъ опубликовалъ отъ имени 5-лѣтняго крошки-императора унизительный эдиктъ, въ которомъ малютка каялся во всѣхъ своихъ преступленіяхъ по отношенію къ народу и объявлялъ о своемъ желаніи работать отнынѣ вмѣстѣ съ послѣднимъ на благо страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, потерявшее голову, правительство принца-регента рѣшило поручить защиту трона отставленному имъ же въ 1909 г. Юан-ши-Каю, который, при данныхъ обстоятельствахъ, казался единственнымъ человѣкомъ, способнымъ спасти династію. Но хитрый генералъ поблагодарилъ за императорское довѣріе и отвѣтилъ, что болѣзнь ноги, изъ-за которой его отставили въ 1909 г., отнюдь не улучшилась, и поэтому онъ не можетъ покинуть назначенное ему мѣстожительство, чтобы поспѣшить оправдать высочайшее довѣріе. Этотъ отвѣтъ Юан-ши-Кая, не постѣснявшагося измѣнить дѣлу реформъ въ 1898 г., когда на сторонѣ конституціи стоялъ самъ императоръ, котораго онъ же измѣннически предалъ во власть реакціонеровъ, былъ лучшимъ показателемъ того, какую грандіозную силу за истекшій промежутокъ пріобрѣло революціонное движеніе, и являлся признаніемъ отчаяннаго положенія династіи и ея дѣла. И только когда «Временный Сенатъ» обратился къ Юан-ши-Каю съ мольбою прибыть въ Пекинъ, спаситель отечества согласился покинуть свое мѣстожительство и явиться въ столицу.

***

Какой соціальный характеръ носитъ современная китайская революція, какіе слои и классы населенія играютъ въ ней наиболѣе видную роль, какія области являются центромъ и опорной базой побѣдоноснаго движенія? Выдающаяся роль доктора Сун-Ят-Сэня въ возстаніи 1907 г., его нашумѣвшая рѣчь въ Токіо на митингѣ, организованномъ китайскими студентами, соціальные взгляды, которые онъ развивалъ

въ ту пору передъ студенческой молодежью насчетъ будущихъ судебъ китайскаго капитализма и китайской общины, далѣе энергичная пропагандская дѣятельность д-ра въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ заграничныхъ колоніяхъ, главнымъ образомъ, въ Америкѣ, все это повело. во-первыхъ, къ тому, что многіе органы европейской печати, при первыхъ же извѣстіяхъ о событіяхъ въ Китаѣ, стали писать о д-рѣ, какъ главномъ вождѣ разразившейся революціи, а, во-вторыхъ, къ неправильному представленію въ нѣкоторыхъ кругахъ о соціальномъ характерѣ нынѣшняго движенія. Прежде всего, замѣтимъ, что въ послѣднее время самъ д-ръ въ своей агитаціи не затрагивалъ уже вопроса о капитализмѣ и т. д., а, главнымъ образомъ, напиралъ на политическую и національную сторону своей программы, на необходимость сверженія династіи, широкихъ демократическихъ реформъ, уничтоженія старыхъ сословныхъ привиллегій, введенія всеобщаго образованія, всеобщаго избирательнаго права для лицъ мужского и женскаго пола, и т. д. Но въ то же время онъ развивалъ идею двухъ представительныхъ палатъ, высшей и низшей, какъ это существуетъ въ Европѣ иАмерикѣ, говорилъ о необходимости сильной реорганизованной на европейскихъ началахъ арміи и т. д. Взгляды, высказанные многими другими видными китайскими революціонерами, проживавшими недавно заграницей, явно показываютъ, что мы имѣемъ передъ собой представителей могучаго демократическаго движенія, которому суждено перевернуть вверхъ дномъ всю жизнь Срединной имперіи, и повліять рѣшительнымъ образомъ на судьбы всей Азіи, а косвенно въ томъ или другомъ отношеніи и на остальные континенты,—но только демократическаго движенія, а отнюдь не больше.

Первое, что бросается въ глаза при изученіи характера китайской революціи, это то необычайное сочувствіе, съ которымъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ относилась къ освободительному движенію китайская буржуазія. Я уже отмѣтилъ, съ какой энергіей имущіе классы городского населенія, поддерживаемые всей націей, вели пресловутую петиціонную кампанію 1910 г., требуя немедленнаго созыва парламента. Не ограничиваясь этой моральной поддержкой, революціи и этой агитаціей, которая взбудоражила страну до самыхъ ея глухихъ уголковъ, буржуазія оказывала неограниченную матеріальную помощь освободительному движенію. Всѣ богатые китайцы, всѣ «компрадоры» Гонконга, всѣ милліонеры Сингапура и малайскаго пролива, всѣ заграничные купцы, банкиры Явы и Санъ-Франциско давали деньги на революціонныя цѣли. И когда понадобилось сдѣлать въ Лондонѣ заемъ въ 5 милліоновъ рублей для военныхъ надобностей революціи, этотъ заемъ гарантировали одинъ китайскій банкъ, три владѣльца рисовыхъ мельницъ въ Бангкокѣ, нѣсколько сингапурскихъ купцовъ и

три владѣльца горныхъ предпріятій на Малайскихъ островахъ. Утвержденіе нѣкоторыхъ европейскихъ корреспондентовъ, «что революціонная армія въ началѣ же нынѣшней кампаніи обладала военнымъ фондомъ въ 15 милліон. доллар., едва ли страдаетъ преувеличеніемъ. Любопытно, что когда въ апрѣлѣ нынѣшняго года генералъ-губернаторъ Кантона обнаружилъ заговоръ, имѣвшій цѣлью подготовку возстанія въ недалекомъ будущемъ и произвелъ многочисленные аресты въ провинціи, казначей революціонной кассы Ван-Шенъ, несмотря на вѣскія возраженія нѣкоторыхъ товарищей, убѣдилъ кантонскую организацію поднять немедленно возстаніе, справедливо указывая, что дальнѣйшее промедленіе, можетъ сильно уронить престижъ революціонныхъ организацій въ глазахъ поддерживающей ихъ китайской буржуазіи. Когда тотъ же Ван-Шенъ, потерявшій руку во время возстанія, прибылъ въ Гонконгъ, мѣстное купечество не побоялось публично чествовать его обѣдомъ, на которомъ присутствовали всѣ китайскіе купцы, въ числѣ болѣе 1.000 человѣкъ. Прибавимъ, для иллюстраціи обще-національнаго характера нынѣшней революціи, что когда Ван-Шенъ, послѣ неудачи вызваннаго имъ возстанія, истекающій кровью, скрывался у крестьянъ съ милліонами таэлей революціонной кассы, нищіе, оборванные китайцы, знавшіе объ этихъ милліонахъ, знавшіе, что голова революціоннаго казначея оцѣнена въ 100.000 долларовъ, тѣмъ не менѣе, не выдали его, наоборотъ, тщательно спрятали, а затѣмъ, рискуя жизнью, переправили на джонкѣ мимо правительственныхъ канонерокъ, сторожившихъ его у Макао, въ Гонконгѣ.

Боевое настроеніе имущихъ классовъ Китая выразилось съ особой силой въ пресловутомъ «желѣзнодорожномъ вопросѣ», который былъ послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія китайской буржуазіи. Вышедшая незадолго до нынѣшней революціи капитальная книга инженера Лабулэ Le Chemins de fer de Chine par Edouard de Laboulaye Paris 1911) выясняетъ, какъ европейскія правительства, которыя недавно боролись другъ съ другомъ изъ-за проведенія той или другой линіи въ Китай,—каковое соперничество давало правительству богдыхана возможность заключать желѣзнодорожные займы на сравнительно льготныхъ условіяхъ,—догадались войти въ соглашеніе другъ съ другомъ и образовать синдикаты для устраненія взаимной конкурренціи между различными финансовыми группами и дружной, согласованной эксплоатаціи Китая. Такъ, при содѣйствіи правительствъ, образовался англо-германо-французско-американскій консорціумъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ, который могъ уже диктовать свою волю и навязывать свои условія правительству Срединной имперіи. Въ общемъ, до нынѣшняго года Китай заключилъ заграницей желѣзнодорожные займы на сумму 813 милл.

франковъ, а выкупъ всей китайской желѣзнодорожной вѣтви (одиннадцать съ половиной тысячъ километр.), включая и манчжурскія линіи, обошелся бы странѣ въ 1 милліардъ 407 милліон. фр. Этотъ новый организованный натискъ международнаго капитала на Китай имѣлъ самыя рѣшительныя послѣдствія въ дѣлѣ обостренія борьбы между оппозиціонной буржуазіей Срединной имперіи и правительствомъ династіи.

Какихъ-нибудь 50 лѣтъ тому назадъ суевѣрные китайцы не желали и слышать о желѣзныхъ дорогахъ, этихъ дьявольскихъ выдумкахъ, которыя такъ раздражаютъ души покойниковъ, до сихъ поръ мирно почивавшихъ въ своихъ гробахъ, и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ постояннымъ шумомъ, свистомъ, грохотомъ приходятся не по вкусу всякаго рода фонч-шуи, т.-е. совокупности различныхъ таинственныхъ духовъ, населяющихъ пространство и образующихъ атмосферу, благопріятную для данной мѣстности. И сила подобныхъ предразсудковъ была такова, что, послѣ того, какъ въ 1876 г. англичане построили маленькую желѣзнодорожную вѣтвь въ 18 километровъ отъ Шанхая до Вузунга, правительство, подъ вліяніемъ народнаго возбужденія, выкупило черезъ годъ эту дорогу и разрушило ее до основанія. Съ той поры многое измѣнилось въ китайскомъ міросозерцаніи. Какъ извѣстно, грандіозная ситема прекрасныхъ когда-то манчжурскихъ путей, предоставленная, по возмутительной небрежности китайскаго правительства, исключительному веденію двухъ инженеровъ: дождя и солнца, пришла за послѣднее столѣтіе, въ состояніе полной негодности. Между тѣмъ, неудержимый ростъ торговли и промышленности Китая, оживленіе сношеній между отдѣльными частями имперіи и, наконецъ, роковая необходимость защищать государство отъ постоянныхъ нападеній со стороны внѣшнихъ враговъ, то на той, то на другой границѣ, толкали всѣхъ мало-мальски мыслящихъ китайцевъ къ сознанію великаго значенія желѣзныхъ дорогъ, какъ могучаго орудія экономическаго, политическаго и военнаго возрожденія Срединной имперіи. Однако, исторія русской желѣзнодорожной концессіи въ Манчжуріи и кровавая война, которая, въ результатѣ этой концессіи, вспыхнула между Россіей и Японіей, внушили китайцамъ идею, что всякая желѣзная дорога, выстроенная на ихъ территоріи иностранцами, является прелюдіей непріятельскаго нашествія, оккупаціи и т. д. Такимъ образомъ, создается и развивается сильное національное движеніе, во главѣ котораго становится буржуазія и студенчество, въ пользу выкупа всѣхъ существующихъ въ странѣ иностранныхъ желѣзныхъ дорогъ и сооруженія новыхъ вѣтвей собственными китайскими силами и средствами. Подъ давленіемъ этого движенія, правительство богдыхана въ январѣ 1909 г. выкупаетъ у франко-бельгійскаго обще-

ства желѣзнодорожную вѣтвь отъ Пекина до Ханкоу, длинной въ 1.271 километра, за что уплачиваетъ 5 милліоновъ фунт. стерл. А еще до того, въ 1906 г., правительство, пользуясь исключительно китайскими инженерами и рабочими, не прибѣгая къ иностранному займу, выстроило линію отъ Пекина до Калгана въ 200 километровъ.

Однако, желѣзнодорожная политика правительства, слабая, нерѣшительная трусливая, при первомъ же грозномъ окрикѣ иностранныхъ дипломатовъ, возбуждаетъ противъ себя страну. Въ 1907 г. населеніе провинціи Чекіанга и Кіанзу подымается, какъ одинъ человѣкъ, и требуетъ отъ правительства уничтоженія контракта съ англійской компаніей „British and Chinese Corporation“, на сооруженіе желѣзной дороги Шанхай-Ханчжоу-Нинбо, правительству отправляется петиція съ заявленіемъ, что провинціи сами достанутъ всѣ средства, нужныя для сооруженія намѣченной вѣтви. Во всѣхъ городахъ упомянутыхъ провинцій открыты подписные листы. Въ маленькомъ городѣ Сіао-Шанъ собирается, такимъ образомъ, 200.000 таелей. Въ Нинбо три богатѣйшія фамиліи подписываются на сумму 10 милліоновъ таелей. Актеры, бонзы, солдаты обѣихъ провинцій телеграфируютъ центральному правительству, что они охотно согласятся отказаться отъ части своего жалованья, лишь бы увеличить число народныхъ акцій данной дороги. Какъ сообщаетъ корреспондентъ «Le Temps», въ Ханджоу извѣстная въ городѣ шансонетная пѣвица созываетъ всѣхъ проститутокъ на засѣданіе и собираетъ 20.000 долларовъ. Такимъ образомъ, населеніе собираетъ громадную сумму въ 100 милл. франковъ. Затѣмъ отправляется въ Пекинъ делегація, которую провожаетъ на вокзалъ несмѣтная толпа народа. При прощаніи толпа рыдаетъ. Пять акціонеровъ будущей національной дороги заявляютъ, что они готовы отправиться въ Пекинъ и покончить съ собой въ квартирѣ англійскаго посланника для протеста противъ дѣйствій Великобританскаго правительства. Когда же вай-ву-бу все же утверждаетъ контрактъ съ иностранной компаніей, отчаяніе населенія упомянутыхъ провинцій доходитъ до пароксизма. Одинъ инженеръ Танг-сіу, въ видѣ протеста, отказывается принимать пищу и умираетъ голодной смертью. Фу-кангъ, ученикъ желѣзнодорожной школы въ Чекіангѣ, при извѣстіи объ утвержденіи контракта, отъ удара умираетъ. Все населеніе провожаетъ его трупъ до могилы, тысячи людей горько рыдаютъ, женщины падаютъ въ обморокъ. Затѣмъ населеніе отказывается платить налоги. Находящійся въ данной провинціи памятникъ на могилѣ предковъ вице-президента вай-ву-бу, подписавшаго контрактъ, разрушается; собственная семья этого мандарина исключаетъ его изъ числа своихъ членовъ. Наконецъ, послѣ двухмѣсячнаго возбужденія, шумныхъ митинговъ, петицій, ряда самоубійствъ и т. д., населеніе какъ будто успокаи-

вается, и все входитъ въ свое русло. Правительство въ виду рѣшительныхъ угрозъ со стороны Великобританіи, отказывается разорвать контрактъ съ англійской компаніей.

Но это движеніе было лишь предвѣстіемъ другихъ болѣе грозныхъ событій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ населеніе Сычуанской и Унанской области добилось отъ правительства разрѣшенія построить своими собственными силами, безъ участія иностранныхъ капиталовъ, желѣзную дорогу протяженіемъ въ 650 верстъ (отъ Кантона до Ханкоу). Эта побѣда была встрѣчена съ энтузіазмомъ всѣмъ населеніемъ. Были выпущены желѣзнодорожныя акціи на 10 милліоновъ таелей, которыя и были раскуплены болѣе или менѣе состоятельными гражданами. Пока производились изслѣдованія будущей линіи и нѣкоторыя мелкія подготовительныя работы, провинціальныя власти сдѣлали у мѣстнаго «Общества національныхъ китайскихъ дорогъ» вначалѣ мелкій, а потомъ крупный заемъ для чеканки монеты, организаціи милиціи и т. д. Скоро отъ собранныхъ 10 милліон. таелей не осталось ничего, нужно было приступить къ работамъ, а правительство и не думало возвращать забранныхъ денегъ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Въ теченіе ихъ пресса не разъ говорила о желѣзнодорожной панамѣ и мошенничествѣ императорскихъ мандариновъ и требовала возврата, забранныхъ у населенія обманнымъ путемъ, денегъ, какъ вдругъ неожиданно, въ маѣ нынѣшняго 1911 г., послѣдовалъ императорскій указъ, о переходѣ въ казну всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ виду необходимости, въ военныхъ цѣляхъ, сосредоточить сооруженіе и эксплоатацію дорогъ въ рукахъ правительства. Этотъ декретъ о націонализаціи всѣхъ дорогъ былъ принятъ населеніемъ Сечуанской и Унпанской провинцій, какъ санкція воровства мандариновъ, какъ отнятіе у населенія предпріятія, въ которое уже были вложены народныя деньги. Въ Кантонѣ состоялось собраніе представителей 72 гильдій, девяти благотворительныхъ обществъ, двухъ торговыхъ палатъ, учительскаго персонала, вынесшее резолюцію требовать отмѣны этой націонализаціи, смахивающей на легазированную экспропріацію частныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій; этимъ же собраніемъ одновременно были разосланы телеграммы въ важнѣйшіе города Южнаго Китая и вліятельнымъ китайскимъ эмигрантамъ заграницей съ предложеніемъ сплотиться и заставить правительство пойти на уступки. Такъ начинается пресловутая «желѣзнодорожная война», которая съ каждымъ днемъ принимаетъ все болѣе серьезный характеръ. Между тѣмъ рядъ правительственныхъ указовъ только еще болѣе раздражаетъ населеніе. Правительство объявляетъ, что оно заплатитъ акціонерамъ Сыгуанской области лишь за фактически произведенныя желѣзнодорожныя работы, а отнюдь не за тѣ капиталы, которые незакон-

нымъ образомъ были растрачены мандаринами, отъ имени правительства сдѣлавшими заемъ изъ собранныхъ денегъ. 24 августа «Лига защиты желѣзной дороги» объявляетъ «пашъ» и «пайо», забастовку коммерсантовъ и учащихся и выпускаетъ прокламацію: «Правительство отнимаетъ у насъ желѣзныя дороги, на которыя мы имѣемъ концессіи. Весь Сечуанъ объявитъ забастовку. Лучше умереть, чѣмъ сдѣлаться рабами иностранцевъ». Подпись: 70 милліоновъ сыгуанцевъ. Начинаются многолюдные митинги и манифестаціи. 7 сентября делегація представителей отъ упомянутой лиги отправляется къ вице-королю Чен-фу и предъявляетъ требованіе, чтобы онъ не позволилъ высшему правительственному чиновнику Тоанг-Фанну, посланному для разрѣшенія желѣзнодорожнаго вопроса, вступить въ предѣлы области. Вице-король приказываетъ немедленно арестовать всѣхъ делегатовъ. Тогда населеніе пытается взять дворецъ генералъ-губернатора штурмомъ, завязывается битва. Возстаніе перебрасывается на сосѣдніе города и области и принимаетъ очень грозный характеръ. Правительство посылаетъ въ Сечуанъ громадныя военныя силы, которыя даютъ революціонерамъ рядъ правильныхъ сраженій. По вычисленіямъ епископа Башфорда, главы методистскихъ миссій Сечуанской области, въ этихъ кровавыхъ бояхъ осталось на мѣстахъ сраженій 10 тысячъ убитыхъ революціонеровъ и 2.000 солдатъ.

Какъ извѣстно, колыбелью нынѣшней революціи были двѣ провинціи Сечуанъ и Хубей, которыя являются наиболѣе развитыми въ промышленномъ отношеніи областями Срединной имперіи, средоточіемъ китайскаго капитализма, какъ бы Московскимъ райономъ 400 милл. государства. И въ первые же дни революціи въ рукахъ возставшаго народа очутились 3 пункта: Ханкоу, Ханьянь и Учанъ. Эти три имени символизируютъ весь смыслъ китайской революціи, ея общенаціональный характеръ. Ханкоу—этотъ одинъ изъ величайшихъ коммерческихъ городовъ Китая съ населеніемъ въ 820.000 и внѣшней торговлей въ 500 милліон. фр. Три англійскія мореходныя компаніи, двѣ японскія, двѣ нѣмецкія, одна китайская и одна французская поддерживаютъ сношенія города съ морскимъ портомъ Шанхаемъ. Изъ Ханкоу ежегодно расходится въ глубь страны 110 милліоновъ литровъ американскаго керосина, который со времени сліяній двухъ компаній американской и голландской, сталъ вытѣснять русскій керосинъ. Ханкоу же является складочнымъ мѣстомъ товаровъ British American Tobacco Company, которая отсюда разсылаетъ во внутреннія провинціи свой табакъ и папиросы, вытѣсняющіе японскіе продукты. Отсюда вывозится въ огромномъ количествѣ чай, и неподалеку отъ Ханкоу находятся русскія чайныя мануфактуры. Однимъ словомъ,

этотъ городъ представляетъ собою великій торговый центръ, и многіе американскіе и англійскіе изслѣдователи предсказываютъ, что въ недалекомъ будущемъ Ханкоу сдѣлается однимъ изъ важнѣйшихъ средоточій міровой торговли. 2-й пунктъ, очутившійся сейчасъ же послѣ начала возстанія въ рукахъ революціонеровъ,—Ханьянъ служитъ главнымъ центромъ желѣзодѣлательной и сталелитейной промышленности. Здѣсь находятся заводы акціонернаго общества «Han-ping-jeh-Iron and Coal C°» съ капиталомъ въ 50 милліон. долларовъ, на которыхъ занято 22.000 пролетаріевъ, въ томъ числѣ 7.000 квалифицированныхъ рабочихъ. Здѣсь же находится громадная правительственная сталелитейная фабрика, гдѣ работаетъ 4.000 человѣкъ, пушечные заводы, чугунно-плавильные заводы. Въ 1909 г. изъ Ханьяна было вывезено заграницу (въ Америку и Японію) 4 милліона пудовъ желѣзной руды и рельсъ, а въ 1910—$7^1/_2$ милл. Что касается Вучанга (Учана)—это, какъ я говорилъ выше, важнѣйшій университетскій центръ Китая, городъ высшихъ, среднихъ и низшихъ школъ, и въ то же время важный военный пунктъ съ гарнизономъ въ 10.000 солдатъ. Прибавимъ къ этому, что охваченный въ первую голову возстаніемъ районъ, давшій сигналъ къ революціи, является попреимуществу областью крупнаго землевладѣнія, громадныхъ латифундій, находящихся въ рукахъ могущественной поземельной аристократіи, главнымъ образомъ, манчжурскаго происхожденія. Такимъ образомъ, эта революція въ первый же день обнаружила, несмотря на своеобразную окраску, свою истинную соціальную природу, свой характеръ возстанія «третьяго сословія», городской буржуазіи, затѣмъ промышленнаго и земледѣльческаго пролетаріата, равно какъ средняго и мелкаго крестьянства, однимъ словомъ, всѣхъ живыхъ силъ страны противъ «стараго порядка», который являлся режимомъ исключительнаго господства крупныхъ помѣщиковъ, неограниченной бюрократіи и велъ страну къ неизбѣжному развалу и окончательной гибели. О томъ, съ какимъ энтузіазмомъ отнесся въ частности, городской пролетаріатъ къ революціи, излишне подробно распространяться. Отмѣтимъ, что даже китайскіе рабочіе, проживавшіе на чужбинѣ, не отнеслись равнодушно къ событіямъ, происходившимъ на родинѣ. Одинъ кули въ С.-Франциско отдалъ въ революціонный комитетъ сбереженія всей своей жизни, 2.000 рублей. Въ самый короткій срокъ среди китайскихъ рабочихъ въ С. Штатахъ было собрано около 500.000 рублей. Не отстали и китайскія женщины отъ движенія. Въ частности, въ С.-Франциско, который является однимъ изъ важнѣйшихъ заграничныхъ центровъ революціоннаго китайскаго движенія и гдѣ издаются три газеты: „Young China“, „Chinese Wored“, „Chiese Fre Presse“, посвященныя пропагандѣ новыхъ идей, среди дѣятельницъ китайскаго

освободительнаго движенія выдвинулась г-жа Минъ Лу, горячая сторонница и пропагандистка женскаго равноправія, глава китайскихъ суфражистокъ.

Важно и примѣчательно сочувствіе, съ которымъ революція была встрѣчена значительной частью арміи, и не только солдатами, но также ея офицерствомъ и генералами. Этотъ фактъ объясняется въ нѣкоторыхъ органахъ европейской прессы недовольствомъ китайскаго офицерства тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ высшіе должности въ арміи заняты манчжурами. Въ дѣйствительности же революціонное настроеніе арміи имѣетъ мотивы болѣе высокаго порядка. Въ рядахъ офицерства регулярной китайской арміи лицъ манчжурскаго происхожденія числится всего 3%. Даже въ такъ называемой манчжурской дивизіи (1-й) всѣ высшіе офицеры—чистокровные китайцы, равно какъ ея главный командиръ. Въ императорской гвардіи, которая когда-то была чисто манчжурской, большая часть офицеровъ тоже китайцы. Революціонное движеніе китайской арміи,—проявившееся въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ многочисленныхъ эпизодахъ, въ бунтѣ бригады въ Учанѣ въ 1907 г., въ возстаніи артиллеристовъ въ Нанкинѣ въ 1908 г., въ недавнемъ возстаніи 8.000 солдатъ въ Кантонѣ въ февралѣ 1911 г. и т. д., объясняется, такимъ образомъ, тоже общенаціональнымъ характеромъ движенія. Петиціи, въ которыхъ провинціальные депутаты въ мрачныхъ краскахъ рисовали положеніе Китая, говорили о страшной опасности извнѣ, грозящей имперіи въ результатѣ русско-японскаго соглашенія и анексіи Кореи, о нескрываемомъ пренебреженіи, съ какимъ всѣ государства относятся къ Срединной имперіи, и т. д., производили неизгладмое впечатлѣніе на офцеровъ. Въ прошломъ году, въ связи съ петиціонной кампаніей, правительство регента рѣшило отсрочить на неопредѣленный срокъ выпускные экзамены во многихъ кадетскихъ училищахъ и высшихъ школахъ, чтобы не увеличить армію многочисленнымъ контингентомъ революціонно настроенныхъ офицеровъ.

Въ данный моментъ трудно предсказать, удастся ли Юан-ши-Каю расколоть сплоченные революціонные ряды и спасти тронъ, хотя бы путемъ самыхъ серьезныхъ уступокъ народнымъ требованіямъ въ области политическихъ и соціальныхъ реформъ и введеніемъ конституціоннаго строя. Если даже и удастся, то надолго ли?

Какъ бы то ни было, начинается новая эпоха въ исторіи Китая. Много грозныхъ призраковъ подымается уже теперь передъ страной, собирающейся сбросить, наконецъ, съ своихъ многострадальныхъ плечъ иго татарскаго деспотизма. И въ первой очереди этихъ угрозъ, передъ новымъ Китаемъ встаетъ призракъ не внутренней, но внѣшней опасности: союза Россіи, Японіи, Франціи, Германіи и т. д. для

агрессивной политики противъ возрождающейся желтой страны. Несмотря на видимые успѣхи пацифизма, умноженіе «Обществъ мира» и т. д., Европа вступаетъ въ полосу небывало интенсивнаго милитаризма, болѣе чѣмъ когда-либо лихорадочной политики агрессивныхъ авантюръ. Всѣ еще независимыя африканскія и азіатскія страны, какъ Марокко, Абиссинія, Персія, Китай, и нѣкоторыя маленькія европейскія государства, вродѣ Португаліи и Бельгіи, у которыхъ имѣются слишкомъ большія колоніи и слишкомъ крошечная армія, очутятся скоро передъ лицомъ захватной опасности. Чѣмъ грозитъ этотъ, все выше поднимающій голову, имперіализмъ, эта политика международнаго грабежа и насилія Срединной имперіи, переживающей нынѣ опасный переходной моментъ своей исторіи? успѣетъ ли новый Китай покончить съ внутренними врагами, прежде чѣмъ враги внѣшніе столкуются между собой? Вотъ тревожный вопросъ, который волнуетъ всѣхъ тѣхъ, кто съ горячей симпатіей слѣдитъ за пробужденіемъ когда-то отсталыхъ расъ и народностей.

Мих. Павловичъ.